

Клад

Бурнашева Любовь

12+

Любовь Бурнашева

Клад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67054443

SelfPub; 2022

Аннотация

Поэма из цикла "Ведьмины сказки". Отправляясь за кладом, рыцарь не знал что ждёт его в конце страшного пути. Может смерть, может счастье? Так же в эту книгу вошли ещё несколько поэм-сказок. Магия сказок подлунного мира, Скрытая сумраком в вязком тумане, Тайнами ночь увлекла, заманила, С ветром шепталась жарко и страстно. Запах лугов от дурмана так сладок, И погружает во тьму страшных сказок, Полных неведомых тайн и загадок, Ночью услышанных ведьмой случайно.

Любовь Бурнашева

Клад

Клад

Таверна «У семи ветров,»
Храп лошадей и скрип повозок,
Чуть слышен звон колоколов
От церкви – эхом отголосок.
Из леса сумрак наступал,
Запрятав солнце за горами,
Луна вошла на пьедестал
С кроваво-красными лучами.
В таверне свечи свет разлив,
По стенам создавали тени,
Хозяйка чуть глаза прикрыв,
Смотрела на гостей степенно.
В дверь свежий воздух запустил,
Вошёл угрюмый, хмурый рыцарь,
Он кружку рому попросил,
Присел и стал в карманах рыться.
Швырнул на стол он горсть монет
И заказал себе жаркое,
От рома он лишь помрачнел,
И попросил ещё – двойное.
Веселая толпа в углу,

Поёт и веселиться громко
Стук кружек с пивом по столу,
Их лиц не видно, угол тёмный.
Один вдруг стукнул кулаком,
Призвал молчать, сказал им глухо:
– «Вы знаете, в лесу живёт
Колдунья, страшная старуха.
Мне говорили, что она
Клад стережёт, там горы золота,
Не счесть монет из серебра,
Алмазы, бирюза, агаты.
Но как найти бы к ней тропу,
И есть ли к ведьме той дорога?
Скажи, хозяйка, почему
Пойти охотников немного?»
Хозяйка лишь открыла рот,
Как из угла подобно грому
Раздался голос, словно чёрт
Мужик сидел там с бородою.
Сверкнули молнией глаза,
Усы черны, над ртом нависли,
И борода как смоль черна,
А голос страшный, хриплый, низкий:
«Дорога есть, но путь не прост,
Лишь только храбрецам под силу,
Сначала прямо на погост,

Свернуть за крайнюю могилу.
Тропинкой лесом до болот,
Сквозь буреломы и овраги,
Там колокольчик позовёт,
Иди на зов назад не глядя.
Но только проклят этот лес,
Не мало храбрецов он видел,»
Он засмеялся, страшный смех
Глухим был, тяжкий, замогильным:
«Цветёт последний день кипрей,
Луна кровавый сок разлила,
Кому из вас тот клад нужней,
Идите за нечистой силой.»
Он закурил, пыхнул огнём,
Его окутал дым туманом,
И вдруг исчез, как будто сном
Всё было или же обманом.
Тут рыцарь встал, взглянул в окно,
Луна висит кровавой раной,
Сказал: – «Пойду я, всё равно
Один я на земле поганой.
А если сгину, то по мне
Никто на свете не заплачет,
А если клад найду, вдвойне
Судьба вернёт мою удачу.»
«Постой, вернись! Прошу тебя, -

Хозяйка протянула руки, -
Уж сколько вас пропало зря,
Погибло в страшных, жутких муках.»
Но рыцарь выбежал во двор,
Конь захрипел, рванул к погосту,
За кладбищем его пришпорил,
Но лес стеной, пройти не просто.
Подумав рыцарь отпустил,
Сказал коню – «Гуляй на воле,
Уж погибать, так я один,
А не вернусь.» Махнул рукою.
Тропинка в чащу, в глубь вела,
Едва заметная как нитка,
А по краям росла трава
Густая, острая как бритва.
Вступила ночь в свои права,
Врастая в землю как коренья,
И только словно кисея,
Мелькали призрачные тени.
Без страха рыцарь в глубь пошёл,
Уже не зная, что им движет,
Но слышен шепот за спиной,
И звуки, тени ближе, ниже -
Не ходи!!! –
за одежду цеплялись кусты,
Не ходи!!! –

крик взлетевшей с ветки совы.
Не ходи!!! –
ждёт гибель тебя впереди,
Не ходи!!! –
смерть стоит на твоём пути.
Беснуется луна, в лучах
Кровавое сварила зелье,
И разливает липкий страх,
Из запаха вербены с хмелем.
Тягучий вздох из-за спины,
Лицо, затянутое тенью,
Бездонные глаза черны,
На бледной роже приведенья.
Тут потянулся лес из рук,
Корявых с длинными когтями,
Пытаясь вызвать в нём испуг,
Гремели смрадными костями.
Но он упрямо шёл вперёд,
Смотрел под ноги на тропинку,
Ждал – колокольчик позовёт,
Туда где клад лежит старинный.
Разверзлась вдруг земля под ним,
Запахло серой и болотом,
В трясиину, за ноги схватив,
Его тянул лохматый кто-то.
Рёв, крики, вопли, суета

И страшное рычанье, ржанье,
Отбиться не сумел, тогда
Стал смерти ждать он с покаяньем.
Всё глубже он идёт на дно,
И тина заползает в уши,
Трясина – савана сукно,
Затягивает тело туже.
Закрыв глаза кончины ждал,
Молился о своём спасенье,
Но тут настала тишина,
Открыл глаза он с удивленьем.
Болота нет, он на земле,
А перед ним луна сияет,
Как будто в чудном, сладком сне,
Из света дева выплывает.
Печальная, прозрачен лик,
И восковая бледность кожи,
Шла по лучам и до земли
Был путь ступеньками уложен.
Лед синевы в её глазах,
И взгляд лучистый к себе манит,
С луча спустилась, подошла,
Цветочным духом одурманив.
Руно сверкающих волос,
Струится белою рекою,
На голове венки из роз,

Фигура скрыта кисеёю.
Взглянула пристально в глаза,
Коснулась до лица рукою,
И по тропинке в лес ушла,
Звон колокольчика – волною.
Прозрачная звенела даль,
И ночь на небе звёзды путала,
Он шел за девой, но печаль
На сердце, болью-сетью, путами.
А сзади скрежеты зубов,
Крик, стоны, вой как с преисподней,
Стучали крышки от гробов,
Вся нечисть собралась, их сотни.
Но он упрямо шёл вперёд,
Горело сердце, в груди пламя,
Тут колокольчик стих, замолк,
К костру он вышел на поляне.
В котле, висевшем над огнём,
Варилось колдовское зелье,
Кружило в небе воронье,
Пир предвкушая и веселье.
С клюкой старуха подошла,
Глаза черны, седые пряди: -
«За кладом ты пришёл сюда,
Бери и уходи не глядя. -
Сундук из-под земли возник,

Набитый доверху богатством,
– Вот золото твоё, возьми,
Сумеешь унести, то властвуй.»
Но рыцарь даже не взглянул,
Искал он, что-то, озираясь,
К старухе руки протянул: -
«Скажи, где дева молодая?
Давно такую я искал,
Отдай её мне, бабка, в жёны,
Мне без неё вся жизнь – тоска,
Я к ней навек приворожённый.
Я лес прошёл, я стал другим,
Не нужно мне твоё богатство,
Всё это лишь зола и дым,
В любви я знаю моё счастье.
В её глазах незримый свет,
Затмил мне звёздное сиянье,
Да не молчи, мне дай ответ,
А – нет, убей, так смерть желанней.»
Старуха взглядом ледяным
Смотрела на него лукаво,
Сказала: – «Ты из всех один,
Кто отвернулся от богатства.
Наградой – вечная любовь,
Вас обвенчает с зарёй солнце,
Не будет бед у вас, тревог,

И в этом уж моя забота.»
Ночь расстелила в небе шаль,
Собрав все звёзды воедино,
Ветрами всё перемешав,
Созвездья заново сложила.
Луна приблизилась к земле,
Из света выпуская деву,
Она спускалась как во сне,
По лепесткам цветов вербены.
Под ноги выпала роса,
А над землёй всходило солнце,
Благословляли небеса,
И с неба дождь пролился звёздный.

Камень-алатырь

Почернели, изношены чувства,
Завернулись в тряпье власяницы,
Облиняли, но всё же послужат,
Кормом, пусть клюют чёрные птицы.
Память клочьями, сыпется градом,
Все в лохмотьях и старых обносках,
Заверни хоть в какие наряды,
Тлеют сразу, приходят в негодность.
Солнце скатиться над главою,
Скособочится небо дождями,
Звезды скалятся хищною рожей,

Опадают в полынь с ковылями.
Всё мерещится, третий час подряд
Бабки молятся, бают «Страшный суд,»
Тихой сапою подползла беда,
Вот смотри сама как тебя несут.
Кому быть дано, под ладонь Творца,
А кому и ад – камень-алатырь,
Пролетело всё, хлопну я до дна,
Мне куда идти, кто мой поводырь?

Трёхлунье

Берег дальний, свод туманный,
Три луны цвета пшеницы,
Ночью сон приснился странный -
Из загорья летят птицы.
Стук раздался в избы двери,
На крыльце тень гостем встала,
Дух ли бога, дух ли зверя,
Поманила и позвала.
Я подвластна её воле,
Ветер бьёт, толкает в спину,
Мы идём с ней в даль по полю,
Пахнет хмелем, розмарином.
Изо рта сверкнуло пламя,
В землю посох свой воткнула,
Повернулась, я узнала –

Это Смерть, её фигура.
Звёзды светят, ветер воет,
Чёрным мраком обернулась:
– «Ты иди вперёд, не бойся,»
И костями прикоснулась.
В гладь реки упали слёзы,
Три луны затмились разом,
Изо рта вдруг дух морозный,
Заклубился, пал туманом.
– «У всего свой срок на свете,
Даже я себе подвластна,
Ты теперь меня заменишь,
Вот мой посох. Ты согласна?»
Дышит ветром ночь мне в спину,
Заметает след на поле,
Смерть исчезла, разом сгинув,
Посох на руках. Тяжелый.
Губы мёрзнут вдох вбирая,
Снег и иней на ресницах,
Выдох, вьётся птичья стая,
Полетела с ними птицей.

Пыль стряхнула на крестах я,
Три луны кружатся в небе,
Льётся болью на уста мне.
Слово, сказанное в гневе.

Нет ответа на вопрос мой,
Кровь сменила на вино я,
Захмелела, закружилась
Голова в венке терновьем.
Шепчут мёртвые секреты,
Все слюнявы, бредни хором,
Говорят – «Тут нет запрета,
Можешь сразу иль измором.
И сжигай в огне из страсти,
Вихрь жизни в омут смерти,
Будь холодной, без пристрастья,»
Всё в тумане завертелось.
Трёх лун кровь на небосводе,
Слышу я посмертья крики,
Сон ли это, явь быть может,
Мне привиделось на стыке -
Солнце всходит горьким ликом,
Свет трёх лун во тьме затерян,
В зеркалах себя увидев -
Дух ли бога, дух ли зверя?

Холодна у пруда вода

До мурашек вода в пруду холодна,
И до судорог сводит ноги,
Но пройду я пешком до самого дна,
В омут с тиной ведут дороги.

Я смирилась, тебя уже нет со мной,
Не коснёшься меня нежным взглядом,
Пусть сомкнется вода пруда надо мной,
Уйти вниз с головою я рада.
Я уже по пояс в холодной воде,
Что-то скажет мне голос небесный?
Жду я зря. Только ясно вижу теперь,
Не отпустит вода, держат бесы.
Грудь сковали холодной воды тиски,
Бьётся сердце раненой птицей,
Лес во мраке и берег, уже не видны
И туман рядом тенью ложиться.
Я покорна судьбе, моя чаша полна,
Вот по плечи стою я без страха,
Зря пугает меня грязной рябью вода,
Что мне омут, что кара, что плаха.
Запах вод смешался с едкой травой,
И на плечи набросили тину,
Песню скорби поёт ангел мой надо мной,
Знает, скоро я землю покину.
Тишина огласилась криком совы,
Шорох с леса, по берегу бродит,
Бледным светом лучи заструились с луны
Ведут в даль и всё глубже заводят.
Шаг, на шее сомкнулись струи воды,
Как рукой зажимая холодной,

Я невестой не стала тебе, увы,
Повенчаюсь со смертью голодной.
Ты гуляешь в лугах с невестой другой,
И играя, за косы ловишь,
Но недолго осталось гулять, дорогой,
Скоро смерть и тебя, наотмашь.
Расскажи мне, луна, про мою судьбу,
Кончен путь или я воскресну?
Посмотри, вниз звезда, на неё я могу
Загадать. Хотя всё бесполезно.

Шаг один и сомкнулась кругами вода,
Разошлись круги, зеркалом встали,
Безразлично всё так же светит луна,
Холодна вода – цвета стали.
Покачнулась ночь, звёзды пали вниз,
И росой по травам скользким,
Смех русалочий, тихий всплеск воды,
На ундину одну стало больше.

Три ночи (по повести Н. В. Гоголя)
– «Посиди ты, сынку, возле дочки моей,
Почитай ей молитвы у гроба,
То просила она перед смертью своей,
Не пойму только, как ты знаком ей.
Я тебя отпущу после трёх ночей,

Награжу, моё слово крепко,
Ну, философ иди, приступай скорей,
Как же смерть молодых нелепа.»
Хутор, церковь затихли, во мраке стоят,
Он спокойно молитвы читает,
И слезой оплывая свечи ярко горят,
Но беду всё же он ожидает.
На покойницу мельком хотел посмотреть,
Но увидев её, он вздрогнул,
И узнал, это он ей помог умереть,
Этой ведьме своим святым словом.
Рассказать он не сможет эту тайну из тайн,
Пусть сомкнутся уста в безмолвье,
Он поможет душе перейти через край,
Станет чистой душа и спокойной.
Чу, взлетела с угла летучая мышь,
А за нею и чертей наплывы,
Он рисует вокруг себя мелом круги,
И читает, читает молитвы.
На рассвете запел песню солнца петух,
В миг исчезли все страхи и тени,
Только он поседел и состарился вдруг,
С церкви вышел, упал на колени.
Ночь вторая, рисует он мелом круги,
И читает молитвы усердней,
Только черти заполнили церкви углы,

И покойница встала с постели.
Вновь победную песню запел страж-петух,
Солнце первым лучом звезды стёрла,
Бормоча от испуга молитвы все вслух,
Он упал на траву, распростёрся.
Ночь последняя, силою в церковь ввели,
Двери заперты, гроб под иконой,
Вновь рисует он возле себя круги,
И молитвы читает с поклоном.
Затрещала церквушка, пошла ходуном,
То покойница криком взывает,
Поналезли в церквушку черти битком,
Самый страшный их чёрт возглавляет.
– «Покажи мне его – Ведьма криком кричит, -
Вию веки скорей поднимите,»
Воздух в церкви вдруг стал смрадно-ядовит,
– «Вот он, – Голос загробный, – Смотрите.»

Солнце пишет лучами молитвы вязь -
По церквушке посланье божье,
Запечатала в ней всю нечистую грязь,
Сверху крест водрузив надёжный.
Затерялась церквушка в дебрях лесных,
Заросла бездорожьем дорога,
Но оттуда ночами часто слышится крик:
– «Помолись за меня, ради Бога.»

Эстрапад

Закрой глаза, иди ко мне в ночи,
Дрожа юнцом от сладости желаний,
А в церкви уж погасли все свечИ,
Вода святая как вино, я пью без содроганий.
Я слышу ночь, и ею полон мир,
Крест не спасёт тебя от губ, моих лобзаний,
Раз оступившись, мою веру примешь ты.
В глазах зелёных позабудешь все страданья.
Я шла к тебе за путеводною звездой,
Смотри, коростой до костИ покрыты ноги,
Из века прошлого, дорогою кривой,
Спираль раскручивая шла из бездн глубоких.
Из уст твоих молитвы горячи,
Но из моих – заклятья льются лавой,
Пусть в этой жизни ты душой как будто чист,
Но в прошлой ты играл мной как забавой.

Под рёв толпы на эстрапад поднял,
Ломая руки мне, раскачивал качели,
То поднимая вверх, то резко вниз ронял,
Удары палками, плевки толпы в меня летели.
Зря чистою была и верила в людей,
Коварство, зависть их не знает меры,
Решив, что красоту просила у чертей,

Колдуньей нарекли, рабы всех суеверий.
Порывы ветра разметали медь волос,
Пожаром окружили пряди тело,
То вверх, то вниз раскачивался трос,
А боль молитвой в теле, в голове звенела:
– Безумная толпа. Кому ты веришь Бог?
Окинь всевидящим и милосердным взором,
Должны у всех людей быть состраданье и любовь,
За что меня на дыбу – приговором?
Признай мою безвинность помыслов и слов,
Ничем себя не запятнала я вовеки,
Прошу тебя, мой Бог, благослови на сон,
Чего ты ждёшь, я недостойна разве смерти?
Изломанное тело полетело вниз,
Земли коснулось и взлетело в небо,
Туманя разум с болью мысли понеслись,
Проклятия всему и вера пеплом из души слетела.
Хоть тело терпит, но душа уже не молится, кричит:
– За избавленья я отдам любую цену!
Мой падший ангел миражом за мной висит,
Поставил на душе печать и бесы празднует победу.

Стоял декабрь, морозное дыхание мертво,
И воздух разъедал как парша кожу,
Ты вдруг взглянул в лицо, почувствовал родство,
И топь зелёных глаз накрыла как волною.

Огонь души до дна во мне ты разглядел,
Любовь накрыла, залила полынь-тоскою,
Но поздно, ты поверженный смотрел
Как жизнь уходит. Замер надо мною.
Я черной смерти вижу торжество,
Она бессмертие взвалила мне на плечи,
И изморозью отправляет тело в сон,
А душу, проданную, к Дьяволу на встречу,
Под твои ноги как мешок костей,
Истерзанное тело сбросили на землю,
Толпа, насытившись ушла, забыла обо мне,
А песню скорби надо мною вьюгой плакал ветер.
Но спрятав от людей тот вспыхнувший пожар,
Ты был лишь миг любим, а будто вечность,
И горе навалилось, огромное как шар,
Легла всей тяжестью земля тебе на плечи.
До хрупкости разъял мороз, до синевы,
Ты замерзал, прозрачней становился и бледнее,
До боли, колющей, кровь стынет изнутри,
Но пламя от любви ещё тебя как будто греет.
Ночь опустилась, город спал давно,
Ты клятву дал, в свидетели призвал ночное небо,
Что если вновь тебе родиться суждено,
Мы будем вместе навсегда и слово твоё крепко.
Рассвет морозный дотронулся лучом до крыш,
На площади народ собрался изумлённый,

Пощёчины от ветра и снежные плевки,
Они скорбя сносили молча и покорно.

Открой глаза, из тьмы пришла на зов души,
Верна она священной клятве и спасла из сети,
Нас вместе вознесут на эстрапад любви,
Познаем боль и страсть и наслажденье смерти.

Февраль

Февраль таится, прячась у обочин,
Шуршит помятым снегом у дорог,
Как будто рассказать он что-то хочет,
Секрет о чём-то для весны сберёг.
Не может усмирить он дух бунтарский,
Метёт коряво снег в углы в сугроб,
И прячет под него он лёд коварства,
Зло смотрит и опять чего-то ждёт.
А вдоль дорог деревья костенеют,
Открыла двери ночь впустив мороз,
Злой ветер обманул, что их согреет,
А сам позёмкою сугробы им нанёс.
Завьюжил бесшабашный стылый ветер,
Позёмку-вожжи в руки февралю,
И вскачь несутся, расправляя плечи,
Раскручивая землю к декабрю.
Их трубный глас взлетел под облаками,

Ночь всколыхнулась, подавляя стон,
Снега-знамёна нежными шелками
Укрыли землю, погружая в сон.

Но чуть рассвет коснулся горизонта,
Затих февраль и отступил за край,
Вверх подняла весна свои знамёна,
Февраль унёс с собою тайну тайн.